

общественной атмосфере: усилении криминогенности общества, росте преступности (в том числе детской), насилия, открытой пропаганде распущенности нравов. Особенно сложная ситуация сложилась в подростковой и молодежной сферах. Исследователи отмечают в их среде такие тенденции, как нарастание индивидуализма, противопоставление себя другим людям прагматизм. Наряду с девальвацией ценностей происходит снижение доверия к старшему поколению, переориентация на личное благополучие, выживаемость, самосохранение. Материальные блага стали занимать значительное место в желаниях школьников, культура и образование отодвигаются на периферию их ценностных ориентаций. Девиантное поведение предстаёт как нормальная реакция на ненормальные для ребёнка или группы подростков условия (социальные или микросоциальные), в которых они оказались, и в то же время как язык общения с социумом, когда другие социально приемлемые способы общения исчерпали себя или недоступны. В случае несформированности системы нравственных ценностей подростка сфера его интересов начинает принимать преимущественно корыстную, насильственную, паразитическую или потребительскую направленность. Для таких подростков характерен инфантилизм, примитивность в суждениях, преобладание развлекательных интересов. Эгоцентрическая позиция подростка с демонстрацией пренебрежительного отношения к существующим нормам и правам другого человека приводит к «отрицательному лидерству», навязыванию физически более слабым сверстникам системы их подчинения - порой в самых жестких формах, открытой демонстрации аддиктивного и даже криминального поведения, оправдыванию своих действий внешними обстоятельствами, низкой ответственности за своё поведение, выраженной чаще всего в поиске «виноватых».

4. Социально-педагогическая среда отражаются в дефектах школьного, семейного или общественного воспитания, в основе которых лежат половозрастные и индивидуальные особенности развития детей, приводящих к отклонениям в ранней социализации ребёнка в период детства с накоплением негативного. Такие дети, как правило, изначально бывают плохо подготовлены к школе, негативно относятся к домашним заданиям, выражают безразличие к школьным оценкам, что говорит о их учебной дезадаптации. Социально-педагогические факторы в идеале представляют собой единство действий как школы, так и семьи. Если направленности этих сторон не совпадают в принципах, то подросток стоит перед выбором, который в силу моральной незрелости будет осуществлен с оглядкой на наиболее часто проявляемые в обществе явления. Так, например, взрослый человек, ведущий здоровый образ жизни, не принимающий алкоголь и наркотики, следящий за своей внешностью, имеющий хорошее образование и манеры воспитанного человека образцом идентификации для подростка не станет, если привычная для подростка среда считает свойства и признаки такого человека проявлением никчемной «заумности», слабости и поводом для неуважения. Ситуация может быть и обратной, если семья даёт более убедительные образцы идентификации подростка, по своей мотивации значительно превосходящие те, которые прививает школа. Так, например, принятые в семье нормы уважения в человеку, его мнению, неординарности мышления, способности высказать в убедительной форме свое несогласие с мнением взрослого вызывают со стороны педагога сопротивление, неприятие и в некоторых случаях – наказание в тех или иных формах. Криминологи указывают, что в основе проявлений девиантного поведения различных уровней – неправильная, не соответствующая рациональным социальным принципам социализация, которая в пубертатном (подростковом) возрасте приобретает совершенно особое значение и является итогом более ранней социализации.

УДК 378.035

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОНЫ

Асс. Субботин А.А.

Витебский государственный технологический университет

В советский период за прошедшие после войны десятилетия был накоплен огромный багаж исследовательской и мемуарной литературы, посвященной событиям Великой Отечественной войны. Тем не менее, несмотря на значительные достижения, для историков оставалось немало нерешенных проблем. С 1990-х годов в исторической науке начался новый этап, характеризующийся созданием условий для дальнейшего углубления знаний о войне, возможностью критического осмысления достижений предшествующего периода. Разнообразие подходов при изучении важнейших проблем и изложении взглядов, освоение историками новых

пластов зарубежной литературы в целом положительно сказались на объективном освещении малоизученных страниц Великой Отечественной войны.

Осуществлявшийся в работах историков нового поколения процесс пересмотра устоявшихся подходов и стереотипов не мог не затронуть общих проблем, связанных с генезисом Второй мировой войны, обстоятельствами ее развязывания, местом и ролью СССР в системе международных отношений предвоенных лет.

В силу комплекса причин современная российская историография избегает использования марксистской методологии и терминологии. Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств. Вместо социально-экономических терминов «рынки сбыта» и «источники сырья» используются похожие по содержанию выражения «зоны интересов» или «сферы влияния». При этом внимание акцентируется на территориальных изменениях в мире после Первой мировой войны, перекройке границ, изменении соотношения сил между великими державами. Соответственно, причины войны сводятся к борьбе одних государств за восстановление утраченных территорий и сфер влияния и защите завоеванного другими. Насильственный передел государственных границ и геоэкономического пространства неизбежно обострял международные конфликты, вёл к нарастающему вмешательству великих держав в дела других государств, и, таким образом, создавал предпосылки для мировой войны.

Подходы, связанные с учётом геополитических и цивилизационных факторов, доминируют в историографии и при освещении причин нападения Германии на СССР и его политики на международной арене накануне Великой Отечественной войны. Так, в некоторых работах речь идет о помещении событий Великой Отечественной войны в широкий всемирно-исторический контекст, рассмотрение её как проявления «Drang nach Osten» - геополитического «Натиска на Восток», и еще шире – как имеющего вековую историю противостояния России и Европы. В.И. Дашичев, в частности, подчеркивает, что захватнические планы нацистского руководства по своему характеру и направленности являлись прямым продолжением старых экспансионистских замыслов, восходящих к временам еще кайзеровской империи [1]. В этой связи также заслуживают внимания работы О.Ю. Пленкова, посвященные анализу немецкой политической традиции начиная с середины XIX века. Таким образом, стремление нацистов к первенству в Европе, воссозданию в новых условиях Священной «империи германской нации» предстает в современной литературе как итог предшествующего исторического развития [2, 3].

В рамках либерализации исторической науки в некоторых трудах стал выдвигаться тезис о тождестве гитлеризма и большевизма, «родстве» Третьего Рейха и «сталинского» СССР. Во многих постсоветских исторических сочинениях в разных вариациях повторяются обвинения СССР в экспансионизме, обусловленном либо стремлением к мировой коммунистической революции, либо «имперскими амбициями» сталинского руководства. С точки зрения этой концепции, СССР не только не стремился к сохранению мира в Европе, но и активно содействовал обострению международной напряженности и, в конечном счете, сползанию мира в войну. В этом контексте в 1990-е гг. повторялись попытки ревизовать историческую ответственность Германии за нападение на СССР, распространялись выдумки о подготовке в 1941 г. Советским Союзом нападения на Германию [4, 5].

Изучение места и роли СССР в мировую политику в 1920-е – 1930-е гг., степени ответственности руководителей советского государства за постепенное сползание мира к войне и обстоятельств ее развязывания оставалось в центре внимания историков, специализирующихся на истории международных отношений [6, 7, 8]. Большинство современных учёных, опираясь на достижения предшественников, развивают реалистический взгляд на удачу и просчеты советской внешней и внутренней политики в 1930-е гг., подчеркивая в то же время незаинтересованность советского руководства в обострении международной обстановки. Это связывается с тем, что в межвоенный период возникла реальная угроза объединения наиболее развитых в экономическом отношении держав против СССР. Важнейшая задача советской внешней политики в 1920 – 1930-е гг., таким образом, заключалась в том, чтобы найти союзников, воспрепятствовать сплочению могущественных противников на антисоветской платформе и не допустить (или, по крайней мере, максимально отсрочить) вступление страны в войну.

Альтернативная же точка зрения очевидным образом является сходной догматическим представлениям о борьбе коммунизма и капитализма как «главном противоречии эпохи». В её основе лежит идеологизация внешнеполитических интересов как борьбы «светлого» и «темного» начал, цивилизации и прогресса в лице «демократии» против отсталости и варварства в лице «тоталитаризма». Одним из конкретных воплощений такого подхода стало отношение историков к советско-германским договоренностям 1939 г. и тем внешнеполитическим акциям СССР, которые были предприняты после их заключения. Авторы, осуждавшие действия советского

руководства за отступление от «ленинских принципов внешней политики», нарушение норм международного права и т.п., чаще всего либо вовсе уклонялись от рассмотрения вопроса о соответствии советского внешнеполитического курса накануне Великой Отечественной войны национально-государственным интересам СССР, либо декларировали наличие ценностей более высокого, «общечеловеческого» уровня, в жертву которым, по их мнению, должны были быть принесены интересы отдельно взятого государства, – вплоть до государственного суверенитета [9, 10].

В непосредственной связи с этими тезисами находится обвинение руководства СССР в «провоцировании» Второй мировой войны и подготовке нападения на Германию, результатом которого стала бы «советизация» Европы или её части. Популяризация соответствующих версий связана с изданием книг В. Суворова, а также публикацией ряда статей с поддержкой его «концепции» журналом «Отечественная история» [11, 12, 13]. Однако за последние годы появились и публикации, в которых показана полная несостоятельность его утверждений [14, 15]. Центральной проблемой постсоветской историографии стал вопрос военно-стратегического планирования СССР и его готовности к войне. К настоящему времени в изучении этих вопросов достигнут определенный прогресс, заключающийся в конструировании рационального объяснения действий советского руководства накануне 22 июня 1941 г. при отказе от ссылок на «необъяснимую слепоту», «маниакальную уверенность» (или упрямство, глупость и тому подобные факторы), что было свойственно советской историографии со времен «разоблачения культа личности», а затем значительно усилено в «перестроечные» годы. Методология использовавших подобные модели объяснения авторов не заходила дальше сведения причин поражений 1941 г. к существовавшему тогда в СССР политическому режиму – «системе личной власти».

В частности современные исследователи, говоря о «внезапности» нападения Германии, подразумевают в первую очередь незавершенность мобилизационных мероприятий, сосредоточения и развертывания советских войск, в силу чего полностью отмобилизованный вермахт, имея инициативу в выборе места и направления ударов, получил решающее преимущество. Что касается других причин трагического начала войны, то специалисты обращают внимание на незавершенность программы перевооружения Красной Армии (рассчитанной минимум до 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году.

Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами в соответствии с установленными штатами и должным образом оборудовать театр военных действий, командование Красной Армии, тем не менее, не сумело под влиянием изменившейся обстановки внести изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Одним из следствий этого явилась недостаточная обученность личного состава подразделений всех родов войск. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом после начала войны [16, 17].

Таким образом, несмотря на известную непоследовательность и противоречивость исследований, начиная с 1990-х гг. в российской историографии Второй мировой войны произошли определенные (и весьма существенные) изменения. К настоящему времени утрачено единство (пусть зачастую лишь видимое) историков, основанное на общности принципиальных установок по важнейшим проблемам военной истории.

Список использованных источников

1. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933-1945. Т.1: Подготовка ко Второй мировой войне. 1933-1939. М.: Наука, 2005.
2. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.
3. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.
4. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. М., 2000.
5. Соколов Б.В. Тайны второй мировой. М., 2001.
6. Орлов А.С. Сталин в преддверии войны. М., 2003.
7. Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. М., 2004.

8. Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.
9. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1994.
10. Дашичев В.И. Из истории сталинистской дипломатии // История и сталинизм. М., 1991. – С. 147.
11. Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 г.: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. №3. С.4-22
12. Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях второй мировой войны // Отечественная история. 1995. №2. С.70-85.
13. Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. №2. С.54-69.
14. Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки второй мировой войны. М., 2002.
15. Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М., 2003.
16. Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. М., 1998.
17. Гареев М.А. Причины неудач Красной армии в начале Великой Отечественной войны // 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Военно-историческая конференция. М., 2001.

УДК 316.773.2:342.228

СИМВОЛЫ И СИМВОЛИКА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К.ф.н., доц. Турлак Т.А.

Витебский государственный технологический университет

Министр иностранных дел Франции Альфонс Ламартин в 1848 году заметил: «Если вы отнимете у меня трехцветный флаг..., то отнимете половину могущества Франции как здесь, в стране, так и за границей» [1, с.44]. Можно ли это же сказать о современных государствах? Есть ли в современном мире эмоционально-психологическое и патриотическое влияние национально-государственной символики на граждан государства? Дело в том, что с самых давних времен люди искали всеобщий язык, который сумел бы выразить связь вещей и явлений в окружающем мире. Эти поиски привели к открытию сначала обобщенных образов, а затем, по мере развития познания, и абстрактных понятий. Такими образами и понятиями стали символы (от греч. – условный знак; опознавательная примета). По мнению В.А. Шмакова (XIX – начало XX в.), язык символов есть истинный, всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и народов.^х Тем более, что во всех известных культурах мы находим зашифрованные в символах следы всеобъемлющего знания: символы выбиты на камнях древних храмов, их содержат священные книги разных народов. Они запечатлены в таинственных формах сфинксов Египта, скрыты в пропорциях пирамид. Всюду они тождественны, хотя и несут на себе отпечаток особенностей, свойственных тому или иному народу. В самом общем понимании можно согласиться с определением символа как образа, являющегося представителем других, обычно весьма многообразных явлений, содержаний, отношений [2, с.570]. Символический язык универсален, он настолько всеобъемлющ, что способен отвечать запросам разных эпох, культур и цивилизаций. Символика выражает отношения между вещами, явлениями и идеями; она чрезвычайно важна для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии, явлений природы и биологических процессов. В целом она помогает понять окружающий мир. Какова бы ни была природа происхождения символов, к современному человечеству они пришли не только полностью сформированными, но уже и систематизированными.

Всплеск интереса к символам в современном мире может быть показателем возрождения духовных потребностей людей, желанием выявить новый смысл классических символов, возникших в глубине веков и сохранивших свое знание до наших дней. Процесс расшифровки символов, «вхождение» в него, способствует разгадке человеческой психики, даже строения самой души. Изучением и интерпретацией (толкованием) символов занимается наука символика. В ней есть место и политическим символам. Политический символ представляет собой знак, выполняющий коммуникативную функцию между субъектами политических отношений. Следует, однако, отметить, что символ схож с понятием «знак», тем не менее, их

^х Более подробных данных о жизни этого исследователя наука не имеет. – Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М., АСТ; СПб.: Сова, 2008. – С 978.